

Архим Елагов

КАПЛЯ СОЛНЦА НА ЩЕКЕ

записки судового этнографа в навигацию 2009 года

28 июня. Плесецк

Здравствуй, город незнакомый!
Не проехать — не пройти.
Быть в такую пору дома
Много лучше, чем в пути.
Льется с неба золотистый
Нескончаемый узор:
Солнца луч сшивает листья.
Под ногами — грязь и сор.
В голове гуляет ветер,
Залетает под пальто.
Жил да был на белом свете
Некто. Нет. Не жил никто.

Белая ночь. Из поезда на перрон выходит гладко выбритый старичок с большой опухолью на шее. Возвращается из областной больницы. Едва двигается в сопровождении ветхой бабушки и немолодого человека потрепанной наружности — жены и сына. Возле вокзала переполненные мусорные баки. Вокруг них горы пустых бутылок, консервных банок, пакетов. Здания либо недостроены, либо разрушаются. Местные девочки на крыльце вокзала курят и пьют дешевое пиво. Молодая нетрезвая женщина кричит: «Я буду жить счастливой жизнью, которую я за-слу-жи-ла!»

По железной дороге тянется состав с лесом. Стволы деревьев похожи на карандаши в пенале двоичника. Смутное чувство тревоги оформляется в ощущение близости исправительных лагерей и космодрома...

Отъедешь от Плесоцка, — леса, поля и даже пыльная дорога лечат душу. Останавливаюсь в деревне Коровино на берегу речки Кены. Перебираюсь на лодке-кенозерке на другую сторону реки. Говорят, там живет самая старая жительница деревни. По утрам ее можно видеть в лодке с удочкой.

Коровин Двор

Знакомлюсь с Татьяной Ивановной Макаровой, 1925 г.р. Недавно пойманная рыбка жарится на сковородке, закипает чайник, а Татьяна Ивановна рассказывает:

— У мамы нас было пятеро. Отец на войну ушел, мы и сейчас не знаем, где он похоронен. Без вести пропавший. Когда отец повестку на войну получил, он нас всех схватил, сам ревит и говорит: «Бедные мои робятка! Находитесь вы бóсье, голодные. А у меня сердечко чувствует, что я уж не вернусь». Така война шла.

Школу кончала в Кенорецкой. Четыре класса. Школа у нас в доме была. Да учиться было некогда. Если в десять годов нигде не работал, тунейдцем звали. Я в школу ходила с младшими сестрами. Сестре второй год шел, учительница разрешила ее в школу с собой брать. Меня к доске вызовут, кто-то с ней поянчит.

Сутками в колхозе пахали. Я 15-ти годов села на трактор, а хлеб весь шел на войну. Корову дёржишь — 300 литров молока сдай, мяса 36 килограмм сдай, яйца сдай. Налогами

Татьяна Ивановна Макарова

душили. А на трудодень 200 грамм хлеба давали. Голодные, холодные... Бились, так бились... Солому ели, от коровы отрывали. На мельницу были очереди с соломой-то. Как лето настало, крапиву, траву стали есть.

И детства не видела, и замужества. Муж пришел с войны раненый. На 41-м году и умер. Пятеро детей было, шестая померла — первая была котора. Подымала пятерых детей. Мне врач сказал: «Татьяна Ивановна, сдай малых-то в приют». А я заплакала и говорю: «Они отца потеряли, да и мать потеряют. Пока мои глаза не закроются, я никакого от себя не отпихну». Всех подняла.

Сижу как-то тут в лодке, рыбку ловлю. Семь лодок мимо шло. В последней едут два мужчины и говорят: «Бабушка, Бог в помощь тебе!» Только эти лодки миновали, я окуня тащу на килограмм! Так не клевало никогда. А тут «Бог в помощь!», и я окуня тащу! Меня водит, водит, все-таки вытащила!

Сестра сей год приезжала. С сестрой сидим, рыбачим на этой стороне, мимо туристы едут. Проехало скоко лодок, все здороваюца. А потом старицок один едет в маленькой лодочке резиновой, попозднее их идет. Подъезжат к нашей лодке, да и говорит: «Ну как, бабушки, улов у вас? Как рыбка клюет?» — «Мелка так клюет». — «А на-те-ка вам по рыбины!» Шуку да окуня кидает нам в лодку больших.

* * *

Время стало прошедшим,
А пространство — статичным,
Что сумел — происшедшим,
Неизбывным и личным.
Все достигло предела,
Возрастая — явилось.
Вот и жизнь пролетела,
Или ночью приснилась?

29 июня. Вершинино

Вершинино — главная усадьба Кенозерского национального парка. Под этим названием объединились несколько деревень: Вершинино, Шишкино, Горы, Карпово, Погост. Все они вытянулись в линию вдоль берега озера.

Пошел искать тетю Нюру, у которой останавливался пару лет назад. Теть Нюр оказалось не одна и не две. Моя тетя Нюра — Овчинникова Анна Васильевна, 1935 г.р. — живет в деревне Шишкиной. Встретились, обнялись. Радушно усадила за стол, накормила. Наладилась беседа. Внимательно слушаю:

— Мяндой называли маленькую сосну, всю в сусьях (иглочках), из нее еще сок пили, когда есть было нечего. Струны были, как от гитары, ими сдирали толстые полоски коры и их ели. Как весна придет, ходишь по болотам, траву собираешь. Была така трава — белоголовка, рано-рано вырастала. Набереешь полную пригоршню, от нее коренья ели. А потом станут поспевать «пески» на полянах, по краям идут. С шишечками такими.

Вот шишечки и ели. Теперь не растут. Только снег сойдет, босиком по болоту идешь, а еще кое-где лед, ноги проваливаются, все в крови. Нас было четверо у мамы. Плохо жили. Была красноармейская семья. Отца Василия Ивановича убили в 1942 году. Зимой в лаптях ходили — брат шлеп, Сережа. Мы втроем в первый класс пошли: Сережа, я да Маруся. В школе один учитель и 30 учеников. Песню про Щорса не могла выучить. Он меня оставил после уроков одну в школе: учи про Щорса! А мне про Ивана Морощкина поется.

Мой сосед, Иван Морощкин,
Жил на свете бобылем.
Коз доил, сажал картошку,
Промышлял в лесу с ружьем.

Окуней ловил в мерёжи,
И чужих не трогал жен.
Он колхозник был хороший,
Но подруги не нашел.

Пил вино, но зная меру,
И курил лишь «Беломор»,
Но и сплетен он не слушал,
Не читал газеты он.

Так и жил Иван Морощкин
На окраине села
Без старушки-веселушки,
Никому не делал зла.

Мой сосед, Иван Морощкин,
И поныне здесь живет.
По утрам печет картошку
И чаек горячий пьет.

В ус не дует, если туго,
И не скажет слова зря,
Но жалеет вся округа
Дядю Ваню бобыля.

Анна Васильевна Овчинникова

Учили еще песню про двух соколов:

На дубу зеленом да над тем простором
Два сокола ясных вели разговоры,
А соколов этих все люди узнали.
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.
Первый сокол — Ленин —
Со вторым прощался.
Он с предсмертным словом
К другу обращался:
— Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы на тебя ложатся.
А второй ответил: «Позабудь тревоги!
Мы тебе клянемся — не свернем с дороги».
И сдержал он клятву, клятву боевую —
Сделал он счастливой всю страну родную.

Бабушку звали Мария Васильевна. Заговорами народ лечила. Она и роды принимала. До 92-х годов прожила. Оставила заговор от переживания:

«Водушка-матушка, смываешь пеня и коренья, серые каменья, всё от растленья, реки и луга, крутые берега. Смой, изгони с меня, рабы Божией тоску и кручину, великую печаль с белого тела, с ясных очей, с черных бровей, с чистого сердца ретивого, со всех костьёв и со всех мозгов и с буйной головы. Аминь».

Когда коров выпускали на луг по весне, вокруг коровушки обойдут три раза. На порог двора хозяйка положит кушачок, чтобы корова через

него перешла. Всё обходят с кушачком и говорят: «Хозяин, хозяйюшка, нянюшка, божатушка, поите и кормите, берегите и стерегите, на ночьку домой пригоните!» А потом кушачок вокруг себя перевяжут и так носят три дня. Потом кушачок убирают и не трогают до тех пор, пока корова на выгоне. Хозяйка у каждой коровушки выдерет волосинку, шерстинку, испекёт колобушку, с этой шерстью размешает и перед выходом каждой коровушке даст поесть. Ест, не ест, но чтобы полизали. Чтобы коровы дружно ходили. Бабушка так делала. У нас бабушка была верующая. Молится и молится каждый денек.

7 июля. Масельга

В ночь на Ивана Купалу стал свидетелем жертвоприношения и ритуального сжигания березы. Девушки и женки в сарафанах, местные жители, туристы водили хоровод вокруг «Ярилки», привязанного к дереву, заранее спиленному и вкопанному в землю посреди площадки на вершине холма. Соломенный парень одет в холщовые порты и косоворотку. Его славословили, ему кланялись, а потом с плачем, причитаниями, криками поволокли к озеру и утопили. По команде ведуньи с изогнутым посохом в руках, соответствующим форме ее носа, с бледным лицом, длинными распущенными волосами, березовый ствол обложили заранее заготовленными дровами и подпалили. Когда возле огромного костра началась тризна, зрители, выпив водки на помин души сразу же забытого героя, начали разбредаться в разные стороны.

На грузовой машине, стоя в кузове, опершись на крышу кабины, я с оказией приехал в деревню Анфаловскую. Меня ожидала горячо натопленная баня «по-черному». На воду Лекшмозера выкатилась круглая кроваво-красная луна. Согревшись, вышел на берег, забрал по пояс в небо и поплыл.

9 июля. Вершинино

Расшифровал аудиозапись рассказа сына местного священника Анатолия Александровича Тервинского, 1926 г.р., сделанную С.А. Подгорным, бывшим сотрудником Соловецкого музея, в начале 1990-х годов.

— Мой отец и дедко (по отцу) священниками были. Вершининский приход назывался Кенозерским. Когда церковь закрыли, описали личное имущество поповской семьи. Закон был такой. Сделали торги. От сельсовета представители были да еще там кто — граждане, кому надо пшкф купить или еще что такое. Если дорого, так скидывали — кто дешевле даст. От милиции были понятые. Понятые нас на лошадях везли до

Няндомы. Что было на себе, в том и отправили. Отца выслали отдельно. Его забрали раньше на полгода. Мать три месяца в прачечной работала. Нас кормить-то надо. Потом признали, что нас выслали незаконно и вернули обратно. Бабка потом ходила, куски просила по знакомым, чтобы нас прокормить. Нечем было нас воспитывать, так по людям ходила. Кто хлеба отрежет, кто корку рыбную. Нас четверо было. Отца сначала забрали, потом отпустили. К нему стали приходиться: отслужил да отслужил. Он служил. Его снова забрали.

Церковь рушить начали, когда мне было годов пять. Я еще в школу не ходил. Колокола сбрасывали с колокольни. Большой колокол наполовину в землю ушел. Их на переплавку увезли куда-то. Потом стали разбирать колокольню. Всё постепенно обрушалось.

Когда в школе учился, дразнили: «Сын попа! Сын попа!» Был пионером, и в армию пошел комсомольцем. В 1943-м ушел в армию, а пришел в 1950-м. Мы с Японией воевали на Дальнем Востоке. В учебном отряде Дальневосточного флота выучился на радиста. Не своя воля. Куда пошлут — туда пойдешь.

Иконы мама сберегла. Она не молилась, но в душе-то верила. Была крестьянкой из Лекшмозера. Три класса образования. Верующих не любили. Потом перестала бояться. Достала иконы из подполья и повесила в доме. Книги у меня сын вынес на берег да сожгал, а потом пожалел — дефицит, говорит.

Никогда на моей памяти в начале июля не было так холодно, как сейчас.

11 июля. Усть-Поча

Беседовал с местными жителями.

Екатерина Яковлевна Станпакова (в девичестве — Орлица), 1951 г.р., рассказала о своем отце Орлице Якове Васильевиче, 1899 г.р., из села Бортники Винницкой области:

— Родился отец на Благовещение. Окончил церковно-приходскую школу. Служил в Красной Армии у Буденного. Семья жила в большом селе. Были они середняками. В коллективизацию отдал двух лошадей, две коровы, сеялки, бороны — всё отдал. Когда последнее пришли забирать, обрекли на голодную смерть. Воспротивился. Его схватили и отправили в Шалакушу. Остались жена, дочь, двое сынков.

Однажды свинья у красноармейца убежала. Отец свинью поймал на железнодорожных путях. Солдат говорит: «Проси что хошь. Ты меня от расстрела спас». Красноармеец посадил отца

под вагон в угольный ящик, дал денег и отправил в Москву, а потом родитель до села доехал. Узнал, что жена и сыны померли с голоду, а старшую дочь забрал брат. Отца выдали, арестовали и отправили на Беломорканал. Счастье привалило — попал в кочегары. Говорил: «Канал копали лопатами. Я столько смертей видел!»

* * *

Зинаида Федоровна Павлова, 1947 г.р., учитель истории, вспомнила о своей семье:

— Мама в 1939–1941 гг. работала на заводе, в детском доме воспитателем. Они трудились на оборонных работах. Девушек и женщин (мужчин было очень мало) везут за Москву, и они роют окопы. Около 10–11 часов утра прилетал немецкий самолет. Летел так низко, что летчика видно было. Разбрасывал листовки такого содержания: «Московские гражданочки! Не ройте ваши ямочки. Здесь все равно пройдут наши таночки». Или: «Если завтра придете в белых платках, стрелять не буду». Стрелял пулеметными очередями. Мама рассказывала: «Мы иногда уезжаем двадцать человек, возвращаемся — пятнадцать. Мы прикрывали головы лопатами или заранее выкапывали окоп и там прятались».

Папа родился в Белоруссии, в 1909 году, в многодетной семье. Семья жила неплохо. Был у них свой сад. Отец служил сначала в Каменец-Подольске (на Украине) кавалеристом. Потом его перевели в Петропавловскую крепость. Однажды Павел Никифорович подрался в пивнушке и получил за драку два года лагеря. Это было в 1939 или в 1940 году. Его отправили отбывать наказание в Пуксу Архангельской области. Он был там до 1943 года. Лес валил. Потом его отправили на Белое море. Высадили на льдину бить тюленей. У них была бригада 9–12 человек. Многие раненые в Архангельске выжили благодаря тюленьему жиру. Прилетал самолет. Садился на льдину. Выгружал продукты. Забирал тюленей и улетал. Павел Никифорович был бригадиром, и позднее, если выпьет, всегда плакал, вспоминая один трагический эпизод. Когда самолет прилетел в последний раз, летчик отозвал его в сторону и говорит:

— Бери только пять человек и тюленей. Я больше прилететь не смогу — льдина подтаяла.
— Не бери тюленей — бери людей.
— Не могу — приказ.
— Ну, я тогда тоже не полечу.
— Как хочешь. Дело твое. Решайся.

Отец сел в самолет. Рассказывал: «Летчик мне пообещал, что прилетит за вами, но вряд ли он прилетел...»

14 июля. Соловки

Все дороги на острове ведут к морю.

Вбираю островные настроения и впечатления. Дискретность времени объясняется долгой зимой, когда жизнь замирает, и кратким летом, напоминающим пробуждение. Растения, птицы, животные, люди солнечным днем и белой ночью решают витальные задачи.

* * *

Вялотекущее лето
Кончилось. Ветер налег.
Небо холодного цвета,
Словно прозрачный намек
На обстоятельства быта,
Нас опустило на дно.
Прошлое было забыто,
Будущее — дано.

1 августа. Соловки

Ясный солнечный день обещает счастье в жизни будущей и настоящей.

МРБ «Историк Морозов» отправляется в ежегодную летнюю экспедицию. Общая фотография. Капитан залез на рубку. Остальные члены экипажа разместились внизу. Синяя птица вылетела из объектива и упорхнула. Впереди небо встречается с морем.

Гридино

Самба-Луда

С 17.00 до 19.00 стояли у каменистого острова Самба-Луда напротив поклонных крестов. Укачало. Высадились на берег. Волны лизали берег и грызли валуны сахарными зубами. Орлан-белохвост охотился на птенцов, но чайки его прогнали. Мы развели костер. Молча и многозначительно пили чай. «Историк Морозов» — это научно-созерцательное судно.

В полночь пришвартовались к причалу в деревне Гридино на Карельском берегу. Капитан стоял у штурвала двенадцать часов.

2 августа. Гридино

Море штормит. Спал и видел чужие сны.

Когда утром вышел на бак, мимо прошла старая лодка с подвесным импортным мотором. Местные жители внимательно рассматривали «Историка». Кормчий направил указательный палец правой руки в сторону нашего кораблика, а большой палец левой руки поднял вверх. Я кивнул в сторону Гридино и проделал то же самое. Обменялись любезностями.

Двумя партиями высадились на краю деревни и отправились ее исследовать. Дома в деревне выстроились вдоль высокого скалистого берега. Проходы от дома к дому — ветхие деревянные мосточки, пунктиром обозначающие несколько параллельных улиц. На высокой скале посреди деревни белеет свежевystруганная фигура то ли идола, то ли ангела. К вечеру узнали, что на этом месте раньше стоял поклонный крест.

В полукилометре от деревни сохранилось старообрядческое кладбище. В тени ёлок стоят на могилах не кресты, а столбики-гольцы с двухскатной крышей. Часть столбиков сохранила встроенные

в них деревянные резные кресты. Говорят, раньше на них были медные иконы. Нашли несколько могил с домовинами — деревянными низкими срубамидомиками, прикрывающими могильные холмы. В торце домовины — маленькое окошко. В него обычно клали поминальную еду. От елок на могилы падает густая тень, но день сегодня яркий, солнечный, и кладбище не воспринимается в мрачном свете.

Вернувшись в деревню, проплыли вдоль самой воды. У берега стоят старые амбары. В одном из них обнаружили мастера и строящуюся лодку. Нам посоветовали поговорить с Мехниным Александром Ивановичем, 1930 г.р. Встретились. Записали рассказ о традиционных промыслах, об изготовлении местных маломерных судов:

— Отец Иван Андреевич, 1908 г.р., учил шить лодки. Он с малых лет ходил на Баренцево море. Там было становище Восточная Лица. Большие ёлы на парусах стояли. Моторов раньше не было. С 9 лет я начал на Баренцево море ходить. Промышляли треску, навагу, корюшку. Ловили ярусами. Яруса открывашь, наживляшь, спускаешь в воду. Ловили на мойву и песчанку. Бригады были по восемь человек, которые неводами ловили такую мелкую рыбку и сдавали ее нам. Треска в яруса попадала по 30 кг. Трещина одна! А теперь кака треска... Рыбы не стало на Баренцевом море.

Лодки и суда делали в Гридино, но вицей уже не шили. Когда еще не было пилорам, доски шили вручную большими пилами. Дерево заготавливали по весне. На матицу шла ель, потому что легкая. Матица была составная, части крепились деревянными болтами. Лодки конопатили ляжным мхом, что на болотах растет. Белый мох

не применяли, он берет в себя влагу. А ляжный очень плотный, лодка не потекёт.

Я лодки строил и 6, и 7,5 м длиной, а для себя — метра 3–4. Называются карбасá. Служили 15–20 лет. Я когда здоровый был, один две недели лодку работал. Когда материал готовый, то можно и за два дня забить. Сначала надо заготовить лес для корга, матицы, опруг (шпангоутов). Набои напило, опруги достану и начинаю собирать. Набои два–три в день положу, если один лодку делаю. Набои положил, потом опруги ложись.

Еще была шнякá. У нее длина шесть с лишним метров. Две мачты. На шняках мы ходили на Баренцево море: отсюда по Белому морю, в Горло Белого моря, в Восточную Лицу. Там нас жило человек сто: из Гридино, из соседней Калгалакши. Если погода хорошая, то два дня до Горла пройдем, а потом уже выходим в Белое море. В среднем неделю отсюда добирались.

На промысел зверя уезжали на Новую Землю по осени. Тоже на ёлах, на парусах. Здесь у нас, когда лед встанет, юнды (мерёжи) ставили на тюленей. В Архангельск добычу увозили. Заготавливали водоросли, которые потом отправляли в Архангельск: «түру» (анфельцию), «лапугу» (ламинарию) и фукус.

* * *

От Любови Феоктистовны Коноваловой, 1937 г.р., узнали много интересного про гридинское прошлое, говор поморский послушали и пару песен записали.

— Здесь родилась. Нас у мамы Натальи Семеновны, 1900 г.р., десять детей было. В каждой семье по семь, по восемь. Когда я училась, в классе 37 человек было. Отец Феоктист Тимофеевич, 1894 г.р., в колхозе работал, на ёлах ходил, да и сам лодки шил.

Рыбалкой здесь занимались, морские водоросли со дна добывали на рыбацких тонях. Колхоз и коров, и оленей держал. Оленей держали и сами. Олень — это мясо на зиму, шкуры на обувь, шерсть на перину. Спали на оленине. Всё было.

А в 1958 г. я на тоне работать стала. На тоне мы впятером работали: четверо мужчин и я. В то время в колхозе уже МРБ (малые рыболовецкие боты) были, дорки, а раньше — всё на веслах. Рыбу всякую ловили, что попадало: треску, навагу. Ловили неводами, мерёжами. Морского зверя били на лудах (небольших островах): нерпу, белугу. Ловили и сдавали. Тоней было много: Кочка, Сухая Губа, Крестовая, Сон-ручей, Сосновцы. На тоню уезжали, как губа «распалится», как лёд

Кладбище в Гридино

Матрена Викуловна.
 Портрет А. Тимофеева, 2002

сойдет, и до заморозков осенних. На выходные домой приезжали.

Церквой заведовала старушка одна, Матрена Викуловна, открывала ее, закрывала.

На престольный праздник, на Николу, приезжали к нам из Калгалакши, а мы к ним едем на Крещение.

Как Гридино-то образовалось? С Новгородской, Архангельской стороны бежали люди, пешком. Дошли почти до Сон-острова, вернулись, идут по берегу. На Пур-Наволоке еще кресты стояли, там они освоились. Но с погодой-то там прибойно. Они пошли дальше. Хотели в реку зайти, Гридинку. Видят, что тут хорошо, тут и освоились. Мама мне рассказывала.

Одна часть деревни называлась Варница, другая — Волость. Варница, потому что здесь на Кресту котел большой был и варили смолу карбаса смолить. Сера бежит с лесинок, ее таяли и варили смолу. Мне лет девять было, крест еще стоял. Паска Христова наступает, мы из церкви бежим на Крест солнышко караулить. Оно играло так красиво, как встават из-под воды, как переливается. В субботу вечером шаньги пекёшь, в двенадцать часов колокол забьет в церкви, родители идут туда, и мы вслед бегём, кто-то молится за има вслед. А в четвертом часу мы уже идем на Крест. Солнышко вставать начинает, и пробуждаются птицы. Гаги гугукают, чирки и чайки кричат. Крест

на клетке стоял, вот мы на ней сидим и дремлем. Придем домой, уже спать охота. Спим день, а потом на зыбель (качели) идем. Кбзлы, веревка, доска — зыбель, и вот мы зыбляемся целыми днями. На Волости очень долго зыбель стояла. Замужем уже были, мы всё ходили туда, всё вспоминали свою молодость.

Недалеко тут на полянке ключ бьет, колодец Кброжный. Досельную монетку в него бросишь, — она крутится-крутится и в песочек уходит.

Раньше-то когда клуба еще не было, по избам собирались, в банях. Вот там песни и попевали. Зимой на Святки ряжеными ходили. Придем в избу, спросим у хозяев, можно ли сплясать, спеть. Кто и разрешит, а кто и нет. В кадрель ходили с гармонистом. Польку, краковяк играли.

Наша Гридина-река
 Сами знаете кака.
 Берега отлогие,
 Ребята кривоногие.

Нашу Гридино деревню
 Можно городом назвать,
 В каждом доме по две девки,
 Можно с каждой погулять.

В сарафаны наряжались, на голову платки шелковые, а если молодлица — повойник. Я в 1960-м замуж выходила, так сарафан надевала. Материал покупали в Архангельске. Здесь в деревне у нас не ткали. По реке, по Гридинке где-то жемчуг доставали.

Вы у нас-то не бывали
 У студеных вод,
 Вы у нас-то не видали,
 Как живет народ.
 Приезжайте к нам на север,
 К морю Белому,
 Песню новую послушать,
 Песню смелую.
 Мы покажем из гранита
 Острой глыбою,
 Угостим вас лучшей в мире
 Сёмгой-рыбою.
 По морям, по озерам
 Хватит всем для вас
 Кушать семгу-рыбу
 В добрый час.
 Рыбаки и зверобои
 С песней трудятся,
 А над ними в океане
 Чайки кружатся.

Приезжайте, приезжайте
К морю Белому
Песню новую послушать,
Песню смелую.

От Любви Феоктистовны вышли под вечер. Деревня утихла. Далеко над водой разносится шум лодочного мотора или крик одинокой птицы. Деревья и камни живут в своем временном измерении. Люди, сравнительно с ними, невещественны.

3 августа. Гридино

К утру разыгрался шторм. Погода пасмурная. Едем снова в Гридино. Заходим в администрацию и просим показать церковь, которую вчера осмотрели со стороны. Никольская деревянная церковь стоит на высокой скале у берега. Внешне неказистая, она пропитана памятью и верой. В притворе висит портрет Матрены Викуловны, о которой нам рассказала вчера Любовь Феоктистовна. Гридино полюбили питерские художники, и во многих домах теперь есть портреты хозяев и пейзажи здешних мест.

Матрена Викуловна, старейшая жительница села, много лет оберегала церковь. Вот и сейчас ее изображение при входе как будто всех встречает. Убранство храма более чем скромно, но местные жители не забывают сюда заходить.

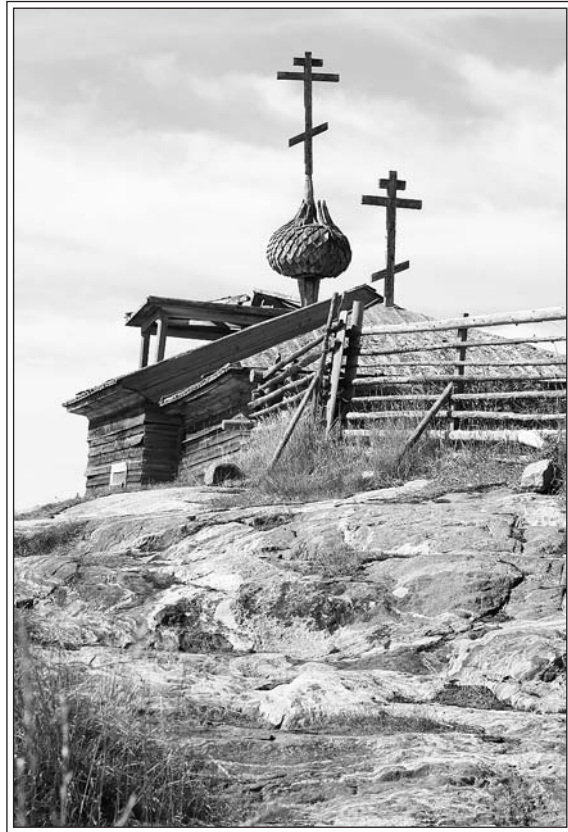
Рыболовная тона

Отошли от Гридино, но недалеко. Море бушует. Встали в соседней бухте и отправились на берег. «Историк» болтается на волнах. Солнце яркое, море синее.

Красота природы вопиет о наших безобразиях. Россыпью лежит битое стекло. Около маяка разбросаны аккумуляторные батареи. Возле пустой избушки живут две симпатичные голодные собаки.

Поставили на вараке (небольшом холме) обетный крест. Ветер начал стихать.

Море пело и выло.
Бились волны о луду.
Мимо облако плыло
Никуда ниоткуда.
Мягкой тенью задело
Уходящее лето.
У меня было дело,
А теперь его нету.

Никольская церковь в Гридино

5 августа. Мыс Картеш

Рудник Булка. Здесь в XVI веке крестьяне добывали слюду для Соловецкого монастыря, а в 30-е гг. XX века — для радиопромышленности. На месте кладбища для заключенных выросла осиновая роща. Даже в безветренную погоду деревьям нет покоя. Листья дрожат и рошщут.

6 августа

На берегу необитаемого острова увидели добротный неканонический поклонный крест. Высадились на берег. Заспорили: переделать верхнюю перекладину креста или оставить всё как есть? Познакомились с робинзоном — военным в отставке, московским пенсионером. Он построил на острове домик. Летом ловит рыбу. Принимает гостей. Думает о жизни. Разговорились.

— Крест этот поставил Мишка, кореш мой, из соседней деревни. Он раком болел. Дал что-то вроде завета поблагодарить Бога, если выздоровеет. Вот, значит, этот крест — его «спасибо» Господу. Мишке семьдесят два года. Водку пьет, курит и хоть бы что ему...

Россия обезлюдела, но не обесчеловечилась.

Ковда

Встали на рейд около деревни Ковда. Ковда и Гридино похожи. Оба села были соловецкими

вотчинами, и в обеих стоят Никольские церкви. Только пейзаж в Ковде совсем другой. Это начало Кандалакшского залива. На горизонте видны многочисленные островки и холмистая полоска противоположного берега. Очень красиво на закате.

По краям деревни и в самом ее центре на скале стоят три коренастых обетных креста. Каждый — как вбитый в камень гвоздь. Поставил их Павел Ефимович Крысанов. Он и срубы домов строит. Продает, отдает, помогает местным бабushкам. На все вопросы у него один ответ: «Не хватает слов — перехожу на буквы».

Никольская церковь сияет на закате новенькой обшивкой и свежим лемехом на куполе, похожим на приплюснутую луковку. Реставрация только-только закончилась. Еще и стружку не успели убрать. Рядом стоит колокольня 1705 года. Дневной шум утих. Закатное солнце освещает верхушки соседнего леса и серебрит воду в реке.

Ни времени, ни музыки, ни слов
О ветре над солеными волнами,
Когда штормит в крови, а не под нами,
И каменеют спины островов.
Пространство поглотила глубина.
В квадратах милей — невод небосвода.
Уловленная предками свобода —
Прозрачных гор тугая слабина.

7 августа. Кандалакша. 3 часа ночи

Силуэты океанских сухогрузов смотрят бесчисленными огнями. В порту пахнет индустриальным городом.

Ворочаются волны. Море дышит.
Пульсируют созвездия огней.
В густой ночи прожектор строки пишет,
Должно быть, адресованные ей.
Глубокий сон бездонных сухогрузов
Седьмого ноль восьмого, в три ноль пять
На рейде в Кандалакше крепко в узах
Цепей, канатов, якорей. Опять
Сгребают уголь грейдеры и жадно
Глощают трюмы недра наших гор.
Портовый город пахнет нефтью? — Ладно.
Отложим о России разговор.
Портальный кран — прообраз динозавра —
Скрипя скелетом, двигается и,
Как памятник себе, затихнет завтра,
Когда простятся с рейдом корабли.
Концы готовьте! Будем швартоваться.
Собрат железный, примепь МРБ?
Зачем спросонья в мелочи вдаваться?

Кто мы такие, видно по трубе.

Проснемся у причала. «Пиво-воды».

Десант на берег. Вылазка в музей.

Заправка топливом. Иллюзия свободы. —

Все это будет. Главное — друзей —

В пути, за горизонтом обретаем.

В пространство времени торопимся... и таем.

Тепло и благостно. Пытаясь приподняться с земли, покачивается нетрезвый богатырь. Ноги — на дороге. Голова — в траве. Устал бороться с собой и прилег отдохнуть. Я поднял его, поддержал, и мы пошли рядом. Вытирая скупые мужские слезы пудовым кулаком, поминутно оттаптываясь, чтобы сохранить вертикальное положение, он говорил:

— Только любовь. Любовь и красота. Это главное. В этом истина. Я недостойн любви и красоты, но должен любить. Во что бы то ни стало — любить!

К нам подбежала большая собака. Она радостно завиляла хвостом при виде хозяина. Шаг за шагом мы продвигались в сторону дома, к которому она нас вела. Дворняга забежала вперед, садилась, и, приплясывая на месте, нетерпеливо поскуливала. Мимо нас величественно прошла корова пегой масти. За ней трусил тощий теленок.

— Это мои звери. Я их должен любить, во что бы то ни стало.

19 августа. Соловки

Дождь. По островам разлито молчание. В такую погоду хорошо молиться или пить чай с вареньем, сидя у теплой печки, глядя на огонь и размышляя о жизни.

Возле скал бытия,
Где стою на мысе,
Промелькнет ладья
Окрыленных мыслей
К берегам надежд
До благих желаний
От закрытых вежд
И простертых дланей.
Теплый дождь прошел.
Отзвенел капелью.
Что мне ждать еще? —
Нет покоя велия.
Где вселюся днесь
И найду отраду?
У меня все есть.
Ничего не надо.